

© 1991 г.

В. Ю. Зуев

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. И. РОСТОВЦЕВА

(К созданию «Исследования по истории Скифии
и Боспорского царства»)*

Подробнее остановимся здесь только на одной из главных проблем, поставленных М. И. Ростовцевым при изучении эллинизма, а именно на проблеме взаимодействия эллинской культуры с местными «варварскими» культурами стран Средиземноморья. Эта традиционная для антиковедения тема в работах М. И. Ростовцева получает принципиально новое освещение. Прежде всего новаторство ученого проявляется в его исследовательской программе, над выполнением которой М. И. Ростовцев работал до конца своей жизни. «Немыслима политическая история, — писал он в 1913 г., — без определенного представления о той культуре, которая была базой народной жизни в бесконечно разнообразных странах ... немыслима она и без представления о социальной и экономической структуре этих стран. Правда, получить такое представление из литературных обрывков, сгруппированных по лицам, невозможно... Но, думаю, если соединить обрывки литературного, особенно историко-географического предания, с материалами эпиграфическими, и притом не только греческими, если, наконец, обдумать весь этот материал на базе археологического знакомства с каждой данной страной, знакомства с эволюцией форм быта, предметов обихода, особенностей архитектуры и изобразительных искусств, если присоединить к этому знакомство с особенностями религиозного развития данной страны, то вся серия наших сведений соедinitся в картину, может быть неполную, как неполно все наше знакомство с античным миром, но выдвигающую главное и основное... Конечно, допустима а priori точка зрения, согласно которой можно и должно излагать только то, что написали древние историки... Существом исторической работы, однако, является не этот пересказ, а нечто другое, более ценное и более важное. Предвидя обогащение наших материалов и изощрение исторического метода, мы обязаны теперь же, сгруппировав весь доступный нашему пониманию материал, постараться выяснить особенности и значение основных процессов, совершающихся в данной геогра-

* Продолжение. Начало см. ВДИ, № 4, 1990.

фической области и в данную эпоху, связать эти процессы с прошлым и будущим и... на этом фоне нарисовать политическую историю государства и эпохи»⁹.

Выработанная в целом для изучения истории эллинизма программа стала для М. И. Ростовцева путеводной и в области исследования истории Скифии. Основные исследовательские приемы изучения эллино-варварских взаимоотношений в странах Средиземноморья, разработанные ученым с учетом международного научного опыта, были перенесены им и на анализ материалов из Южной России. Такой вариант трактовки археологического и исторического материала Северного Причерноморья был принципиально новым для русской науки того времени, которая имела свои прочные традиции в изучении греко-варварских взаимоотношений.

Анализируя взгляды М. И. Ростовцева этого времени, приходится констатировать, что в начале 10-х годов нашего века ученый интересовался Скифией всего лишь как одной из стран, местное население которой вошло в тесный культурный контакт с греческими поселенцами, принесшими в эти страны эллинские традиции социально-экономического устройства жизни. Противопоставление эллинского и варварского начал в общей панораме культурной жизни Средиземноморья и Причерноморья, а также их постепенное слияние в своеобразное греко-варварское единство рассматривалось М. И. Ростовцевым как закономерный процесс, который в различных странах имел свою специфику, объясняемую главным образом той местной основой, на которую наслонилась культура эллинов. Стремление изучить эту местную среду как единое и одновременное эллинскому началу явление побудило М. И. Ростовцева в середине 10-х годов по-новому органично взяться за исследование археологии и истории Скифии. При этом ученый ограничился поначалу только эллинистической эпохой, что в условиях слабой изученности античного периода Юга России в целом неизбежно привело его к ряду конкретных (главным образом хронологических) ошибок в трактовке материала. Но такой подход, имевший свои недостатки, дал ученому все же гораздо больше преимуществ по сравнению с исследовательскими позициями других скифологов того времени. Он позволил М. И. Ростовцеву при работе с материалами Юга России ориентироваться на достаточно широкие горизонты научных знаний о древнем мире, которые не давали ему замкнуться в специфике материала и обеспечивали возможность сопоставления конкретных выводов с главными тенденциями развития эллинистической эпохи в масштабах всего Средиземноморья.

Первое, в чем М. И. Ростовцев решительно пошел дальше своих современников в понимании скифской истории и археологии, было его определение понятия «варварство скифов». Выступая в 1913 г. в Лондоне на Конгрессе историков, М. И. Ростовцев указывал: «Мы привыкли говорить о варварских соседях греческих городов северного побережья Черного моря. Чем больше, однако, накапливается в наших руках материала, чем шире становится район археологического расследования, тем яснее становится, что варварство степных соседей черноморских греков есть термин чисто условный. Варварами были скифы и сарматы только в том смысле, в каком варварами были для греков и египтяне, и ассирийцы,

⁹ *Ростовцев М. И.* Рец. на кн.: Bouché-Leclercq. Histoire des Seleucides. P., 1913 // Новый исторический журнал, издаваемый Н. И. Кареевым. Т. I. 1913. С. 42.

и Вавилон, и Персия, не варвары, а люди другой, неоднородной с греками культуры»¹⁰.

Таким образом, мы видим, что М. И. Ростовцев постарался дать этому понятию принципиально новое культурно-историческое содержание, решительно выступая при этом против той культурологической трактовки, на которой настаивала буквально вся историческая наука XIX столетия, заимствовавшая в Век Просвещения у античной эпохи традицию излагать историю человечества как процесс сменяющих друг друга и сосуществующих периодов дикости, варварства и цивилизации.

Такая трактовка варварства скифов шла вразрез с мнением целого ряда русских и зарубежных исследователей, которые видели в скифах идеальных варваров с примитивной культурой и невысоким уровнем социально-экономического развития, тех варваров, которые в буквальном и переносном смысле слова стояли на пороге цивилизации.

Основную причину своего расхождения с традиционными взглядами представителей культурологического направления в изучении истории и археологии Скифии М. И. Ростовцев видел прежде всего в принципиальном различии методов работы с исходным материалом. Крупнейшим недостатком своих оппонентов он считал невнимательное отношение к источноведческой работе, порождавшее у исследователей излишнюю доверчивость к письменным источникам, данные которых в их работах попросту иллюстрировались археологическими материалами во имя получения искусственно смоделированной этнографической картины варварского быта скифов¹¹.

Однако привнося нечто принципиально новое в подход к изучению материала и его концептуальное восприятие, М. И. Ростовцев вовсе не шел при этом на разрыв с существующими в науке его времени исследовательскими традициями классической археологии. В этом отношении показательна его статья «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре».

Идею, выражающую характер царской власти у кочевников Скифии, М. И. Ростовцев целеустремленно искал в религиозных представлениях народов Малой Азии, культуры которых с очень раннего времени оказывали большое влияние на обитателей Северного Причерноморья. «Совершенно несомненно, — писал он, — что скифские царства, по большей части независимые от Боспора, не только по национальному своему составу, но — что важнее — и по строению своему, были царствами иранского персидского типа, как большинство остальных, только эллинизированных царств побережья Черного моря и даже внутренней Малой Азии. Иранскою была и религия этих царств, чему особенно способствовало

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. СПб., 1914. С. 80. Следует отметить, что М. И. Ростовцев был не одинок среди русских ученых, отстаивавших принципиально новую трактовку «варварства» скифов. Так, еще в 1911 г. в статье «Скифы и Гальштат» А. А. Спицын писал: «Мы ... углубились в скифские дали и выработали новую постановку вопроса о характере и происхождении скифской культуры. Скифия стала перед нами обширной, богатой и многолюдной страной, с особой варварской культурой, воспринявшей греческие элементы лишь позднее и то в ограниченных размерах, так как скифы вполне могли обойтись и без них. Греки находились в большой зависимости от скифов, получая от них значительную часть своего хлеба. Скифы жили в исконной земледельческой стране...» (Сб. в честь гр. А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 162).

¹¹ См. об этом в рец. М. И. Ростовцева на кн.: Е. Minns. *Scythians and Greeks* // ЖМНП. 1913. Ноябрь. Отд. II. С. 181 с.

и то, что религия скифов искони принадлежала к тому же типу, что и религия Персии»¹².

Оставляя в стороне слабость археологической аргументации, приведенной Ростовцевым в этой этапной работе¹³, мы должны помнить, что в 1910—1914-х годах ученый стремился к принципиально иным целям — сугубо обзорного исторического охвата эллинистической эпохи, предприняемого в масштабах всего Средиземноморья. Главным для М. И. Ростовцева было в эти годы (рис. 3) стремление уловить наиболее важные характерные черты греко-варварских взаимоотношений, и он двигался к этой цели, порой сознательно упуская многие конкретные детали воссоздаваемой им исторической панорамы. Априорность его восприятия Скифии раннеэллинистической эпохи обуславливалась, кроме того, полной неподготовленностью русской археологической науки дать для конкретно-исторической работы необходимый материал по Скифии (сказывалось прежде отсутствие каких-либо продуманно систематизированных сводов памятников, абсолютная неразработанность вопросов единой хронологической шкалы для археологической культуры скифов). Но даже на таком слабом, с современной точки зрения, уровне подготовки материалов М. И. Ростовцев сумел все же ответить достаточно правильно (с позиций историка) на вопрос о характере культуры скифов, вопрос, определявший тот исторический контекст, в котором немые археологические остатки обретали способность превращаться в полноценный исторический источник. Работая в начале 10-х годов нашего века над археологическими памятниками Скифии и Боспора (в основном еще посредством искусствоведческих методов анализа и интерпретации древних памятников), ученый пришел к выработке своего, опять-таки нетрадиционного понимания иранства скифов. Этот термин, изначально лишенный у Ростовцева конкретного этнического содержания и подразумевающий только тип характера скифской культуры, стал одним из важнейших терминов в его концептуальном восприятии эллинизма, с одной стороны, и истории Скифии — с другой¹⁴.

Работы ученого над проблемами концептуальной характеристики эллинистической эпохи, тесно связанные на первом этапе исследований с методологическими вопросами, разработкой научной программы исследования и изучением памятников данной эпохи, привели М. И. Ростовцева к необходимости проверить правильность намеченного им пути на примере одного из регионов древнего мира. После выхода в свет его исследования по античной декоративной живописи Юга России, после детального знакомства в эти же годы с основной проблематикой боспорской истории, столь неразрывно связанной с пестрым «варварским миром» этой страны, таким регионом для ученого могла стать только Скифия, судьба которой к тому же загадочным образом была переплетена с культурой и историей России.

В 1915 г. М. И. Ростовцев приступил к созданию своего монументального «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»,

¹² Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 5, 17 с.

¹³ См. комментарии И. А. Левинской и В. Ю. Зуева к статье М. И. Ростовцева «Иранский конный бог и Юг России» (ВДИ. 1990. № 2).

¹⁴ Определение иранского характера скифской культуры побудило М. И. Ростовцева воспринимать скифов, взятых в качестве самостоятельного исторического народа, в общем ряду «варваров» Малой Азии и Ирана, давших всемирной истории хорошо известные и очень яркие образцы культурного синтеза эллинистической эпохи.

Рис. 3. М. И. Ростовцев. Фото начала века с дарственной надписью П. И. Вейнбергу, известному русскому поэту-переводчику, преподавателю Высших женских курсов, почетному члену Российской Академии наук. Архив ИРЛИ, фонд П. И. Вейнберга

над которым он упорно работал впоследствии в течение трех с половиной лет.

Главная особенность общего замысла новой книги М. И. Ростовцева заключалась в том, чтобы рассмотреть историю Скифии (в основном эллинистического времени) на фоне широкой панорамы культурной жизни Северного Причерноморья начиная с энеолитической эпохи. Такой подход к теме был далеко не случаен, о чем можно судить хотя бы по упоминавшимся уже словам ученого о его научной программе исследования эллинизма.

Для освещения глобальных исторических проблем, встающих при таком подходе, М. И. Ростовцев разработал своеобразную систему подачи, критики и обобщения археологических, нумизматических, эпиграфических и литературных источников, которой подчинил всю композицию своего «Исследования». Основные же теоретические усилия при работе со столь гигантским разнородным материалом ученый сконцентрировал вокруг важнейшей проблемы методологического порядка — проблемы синтеза разнородных исторических источников. Сделанное им в этой области надолго обогнало его время, чем, вероятно, и объясняется в наши дни актуальность многих ростовцевских построений. Вся композиция книги была рассчитана ученым на два тома и несколько атласов к ним. Первый

том, посвященный критическому рассмотрению литературных и археологических источников, был разделен М. И. Ростовцевым на две части. Начало книги содержало историко-филологический разбор дошедших до нас сведений античной литературы о Скифии и Боспорском царстве. В этом внимании к литературным источникам в полной мере сказалась приверженность ученого к традиционному направлению в исторической науке того времени, уделявшей изучению античных литературных свидетельств огромное внимание. К моменту, когда М. И. Ростовцев приступил к написанию своего «Исследования», изучение литературных источников о Скифии переходило на качественно иной уровень. Перед учеными, изучающими Северное Причерноморье античного времени, после публикации свода В. В. Латышева¹⁵ встала большая и трудная задача систематизации разновременных разрозненных свидетельств в единую панораму античной литературной традиции о Скифии и Боспорском царстве. Нелегкий труд воссоздания этой традиции и взял на себя М. И. Ростовцев. Последовательно разбирая упоминания о Скифии и Боспоре в античной литературе, М. И. Ростовцев выделил целый ряд этапов возрастания и угасания интереса греков и римлян к далекой стране, которые он связал с различными периодами истории Скифии и Боспора и их постепенно меняющимися позициями на политической арене древнего мира. Кроме того, начиная с гомеровских времен и кончая эпохой позднего Рима, М. И. Ростовцев проследил в античной литературе две сосуществующие тенденции в передаче сведений о скифской стране. В те периоды, когда греческий и римский мир достаточно тесно соприкасался с жизнью народов Северного Понта, в античной литературе, по мнению М. И. Ростовцева, преобладающими становились тенденции реалистического описания истории, природы и жизни варварской страны. Когда же связи между странами и народами по какой-либо причине надолго прерывались, сведения о Скифии в литературе Средиземноморья начинали повторяться, а образ страны, особенно в эллинистическую эпоху под воздействием Стои, начинал все более и более идеализироваться в угоду морализирующей идее противопоставления естественной жизни первобытных варваров и порочного образа жизни цивилизованных эллинов и римлян. Разбирая отдельно каждого писателя, М. И. Ростовцева стремился показать, к какому из этих двух направлений античной литературной традиции был более близок писатель, с тем, чтобы увереннее использовать его сведения для воссоздания максимально приближенного к действительности образа Скифии и Боспора в тот или иной период.

Все эти разработки М. И. Ростовцева практически без серьезных корректив приняты современной наукой¹⁶. Долгое время исследователи, правда, считали, что М. И. Ростовцев игнорировал труд Геродота как источник по истории Скифии, но благодаря находке продолжения его книги этот тезис теперь можно пересмотреть¹⁷.

¹⁵ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I, II. СПб., 1893—1903.

¹⁶ Скржинская М. В. Источниковедческие исследования М. И. Ростовцева в книге «Скифия и Боспор» и их развитие в советской историографии // Скифия и Боспор. Археологические материалы к Конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 22—23.

¹⁷ Зуев В. Ю. Академик М. И. Ростовцев и Геродот (анализ критики литературного источника) // Там же. С. 23—26.

Вторая часть I тома была посвящена М. И. Ростовцевым обозрению археологических находок с Юга России, относящихся к истории Скифии и Восторского царства. Используя опыт своей работы в архиве ИАК при собиpании сведений о памятниках декоративной живописи, М. И. Ростовцев последовательно, шаг за шагом рассказал на страницах книги об истории археологических исследований на Юге России, дал характеристику основных периодов существования некрополей главных греческих центров северного побережья Понта и столь же последовательно изложил историю изучения скифских и сарматских курганов. При характеристике скифских курганов М. И. Ростовцев впервые в русской археологической науке предпринял попытку разделить всю массу памятников по территориально-хронологическим группам. Весьма примечательно, что его деление с незначительными изменениями существует в скифологии до сих пор. Кроме рассмотрения погребальных памятников М. И. Ростовцев коснулся в своем изложении и вопросов изучения античных и варварских городских центров, сделав при этом ряд существенных наблюдений, важных для истории развития страны в целом. Описание и разбор археологических памятников во второй части I тома «Исследования» М. И. Ростовцева имеют большое значение для современной науки. По сути дела *Corpus tumulorum*, составленный этим ученым в 1917—1918 гг., до сих пор является единственным по объему и широте охвата сводом археологических памятников Скифии и Востора. Внимание ученого к истории изучения археологических памятников и его стремление к максимальной полноте в подборе материала сделали его работу по обозрению археологических источников о Скифии и Восторе поистине классической.

В наше время довольно трудно охарактеризовать композицию II тома «Исследования» М. И. Ростовцева, поскольку до нас дошли только три его главы (II, V, VI). Но внимательный разбор этих глав все же дает основание для предположения о том, что этот труд был призван раскрыть три большие темы.

В первых двух главах этого тома М. И. Ростовцев подробно остановился на обозрении предскифской эпохи в Северном Причерноморье с целью выяснения начального этапа собственно скифской истории и присущей ему археологической культуры. Обобщая достижения русской археологической науки в области изучения так называемой «предыстории», он рассматривал различные типы памятников («культуры площадок, спирали и меандра», «культуры ямных погребений», «культуры комнатных погребений», «срубной культуры» — терминология М. И. Ростовцева), которые характеризуют сменяющие друг друга культурно-исторические эпохи в Северном Причерноморье предскифского времени. Систематизируя этот материал и намечая основные направления дальнейшего изучения, ученый приходит к выводу о том, что все эти памятники не имеют никакого отношения к первым упомянутым в античной литературной традиции народам — киммерийцам и скифам. Памятники эти намного старше скифской эпохи, начинающейся в Причерноморье в VIII—VI вв. до н. э., когда в эти края надвигаются с востока орды воинственных «иранских» кочевников. Рассмотренные в этих главах памятники М. И. Ростовцев связывает с культурной традицией местных народов, населявших эту страну с глубокой древности, подчеркивая во II главе этого тома: «Сменяющиеся и сосуществующие в западной части степей юга России формы культурного уклада — культура так называемых площадок, культура погребений со скорченными и окрашенными костяками и культура раннего железного века, тесно связанная с поздним бронзо-

вым периодом средней Европы, — органически входят одна в другую, влияют одна на другую и создают к тому времени, когда с востока надвигается ирано-эллинская культура, носителями которой, несомненно, были скифы, а с юго-запада культура ионической Греции, могучий культурный фон населения, жившего частью вполне земледельческой формой уклада жизни, частью полукочевого и скотоводческого и полуседлого и земледельческого быта).

В следующей части II тома М. И. Ростовцев переходит к истории скифов и сарматов и к характеристике их культур. В особой главе он дает краткое изложение своих взглядов на политическую историю скифов и сарматов. Далее, последовательно привлекая письменные и археологические источники, исследователь старается выяснить особенности государственного устройства «Скифской державы», объединяющей, по его мнению, ряд царств, а также рассматривает особенности государственности у сарматов. Завершал скифо-сарматский раздел очерк о культуре скифов и сарматов. По аналогии с этим разделом М. И. Ростовцев охарактеризовал в следующей части II тома историю, особенности государственного устройства и культуру Боспорского царства, где подробно проследил процесс слияния эллинского начала со скифо-сарматской («иранской») культурой, давший особенно яркие результаты в эллинистическую эпоху¹⁸.

Такое строгое, продуманное композиционное построение «Исследования» давало ряд значительных преимуществ автору при работе над текстом книги. Текстологический анализ показывает, что М. И. Ростовцев трудился над рукописью в несколько приемов, работая одновременно над разными ее разделами¹⁹.

Особенно много внимания М. И. Ростовцев уделил во время работы над книгой сарматской проблеме. Во многом этому способствовало стечение обстоятельств. Летом 1915 г. он по семейным делам поехал в Оренбург, где с 1890 г. жили его родители. В Оренбурге он познакомился с деятелями местной Ученой архивной комиссии (А. В. Поповым, И. А. Кастанье и др.), которые вели на Южном Урале активную археологическую деятельность. Председатель комиссии, городской врач А. В. Попов обратился к М. И. Ростовцеву с просьбой прокомментировать находки последних лет, сделанные в результате активных охранных действий комиссии в районе сел Прохоровки и Покровки. М. И. Ростовцев был буквально потрясен увиденными материалами: яркие интересные вещи из этих мест всецело относились к эпохе эллинизма. М. И. Ростовцев сразу же сопоставил их с памятниками Прикубанья, исследовавшимися в эти же годы Н. И. Веселовским, и связал с судьбой сарматов. Отдавая себе отчет в важности осмотренных им находок, М. И. Ростовцев сразу же по возвращении в Петроград взялся за организацию экспедиции для исследования Прохоровских курганов. Во главе экспедиции по просьбе М. И. Ростовцева в 1916 г. встал приват-доцент Петроградского университета С. И. Руденко. С этого момента в отечественной археологии открывается новое направление, всецело ориентированное на изучение сарматских древностей. Поздней осенью 1916 г. М. И. Ростовцев, получив дополнительные сведения о прохоровских находках от А. В. Попова и

¹⁸ См. ВДИ. 1989. № 1—4; 1990. № 1.

¹⁹ См. мои комментарии к VI главе в ВДИ. 1989. № 4.

С. И. Руденко, начал работать над книгой «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», где впервые в отечественной археологии дал серьезно обоснованную периодизацию сарматских памятников Южной России. Завершая работу над книгой «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», в начале 1918 г. М. И. Ростовцев включил итоги своего изучения оренбургских находок в текст второй части I тома книги. В это же время он завершает и полный текст книги о находках в Прохоровке и Покровке, которая стараниями академика В. В. Латышева выходит в свет в конце 1918 г. Эта последняя работа, написанная М. И. Ростовцевым в России, завершила на 36-м номере серию «Материалов по археологии России», издававшуюся Археологической Комиссией многие годы.

Но вернемся к судьбе «Исследования». Текст книги был написан М. И. Ростовцевым, как он это указывает и сам в предисловии ко второму изданию I тома в Берлине, в течение 1917 и первой половины 1918 г. По сообщению С. А. Жебелева²⁰, рукопись книги М. И. Ростовцев сдал В. В. Латышеву в начале июня 1918 г. По-видимому, С. А. Жебелев говорит только о I томе рукописи книги, так как до конца своей жизни этот ученый был уверен, что М. И. Ростовцев не написал II тома своего исследования. В действительности же дело обстояло совсем по-другому. В начале 1918 г. М. И. Ростовцев завершил свою работу над рукописью «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Понимая, что в условиях революционного кризиса ему вряд ли удастся издать свой труд целиком, он в январе 1918 г. по предложению издательства «Огни» берется переделать вторую (историческую) часть книги в популярный конспект. Так появляется его книжка «Эллинизма и иранство на юге России», содержащая в себе краткое изложение всех основных выводов «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Весной 1918 г., подготовив к сдаче в издательство I том «Исследования», М. И. Ростовцев берется за продолжение работы по завершению всей книги в целом. Вот что об этом известно: «М. И. Ростовцев закончил в рукописи большой труд по истории Скифии и Боспора, приступил к изданию атласа под заглавием „Памятники Скифии и Боспора“. Издание рассчитано на три тома, и таблицы уже подготовлены к печати: I том будет содержать в себе важнейшие памятники некрополей греческих городов Боспорской державы, II и III тома будут заключать в себе памятники Скифии. Издание это должно восполнить пробел в научной литературе, которая до сих пор не имеет общего сводного издания древностей, из которых многие вообще еще не были опубликованы. Настоящий труд является результатом работы последних лет М. И. Ростовцева»²¹.

Развернув такую широкомасштабную деятельность по завершению издания книги, М. И. Ростовцев решил использовать предоставленный ему университетский отпуск и время, когда от него мало что зависело в техническом процессе публикации книги и атласа, для поездки в Швецию по приглашению О. Монтелиуса и Т. Арне. Вместе с женой М. И. Ростовцев, оставив весь свой архив, библиотеку и большую часть своих средств в Петрограде, выехал 30 июня 1918 г. в Стокгольм. Срок поездки был определен в два месяца, и еще 1 августа 1918 г. М. И. Ростовцев из Борнсберга писал Б. В. Фармаковскому о скором своем возвращении и

²⁰ См. предисловие С. А. Жебелева к книге М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

²¹ Отчет о деятельности Российской Академии Наук... за 1918 г., составленный неизменным секретарем Академии С. Ф. Ольденбургом. Пг., 1919. С. 35 сл.

своих планах дальнейшей научной работы. Но за это время многое изменилось в России. Разразилась непредсказуемая по своим последствиям Гражданская война. Возвращение в Россию стало для Ростовцевых невозможным. Так началось для них почти 40-летнее одиссей эмигрантской жизни. В России остались друзья, квартира на Большой Морской, личные сбережения, архив, библиотека и в том числе рукопись «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства». Отныне ее судьба таит в себе много загадок, с которыми можно встретиться даже на титульном листе изданного в 1925 г. в Ленинграде I тома «Исследования»²². Задумываясь о судьбе этой книги, невольно вспоминаешь слова академика С. Ф. Ольденбурга: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, кропотливый и упорный труд, все это встречается с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых томов“, „первых выпусков“, которые никогда не имели премников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, незаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начина-

²² Если внимательно просмотреть издания, в которых даны ссылки на книгу М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», то можно удивиться разнообразию того, как это делается. Наиболее распространенной является форма: *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. Однако встречаются и другие варианты указания места и времени издания книги. Казалось бы, здесь мы имеем дело только лишь с неточностями справочного аппарата, но это не совсем так. Взглянем на обложку книги. Титул ее дает следующую форму: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. РАИМК, 1925. Первое, что бросается в глаза — отсутствие города (Ленинград) на титульном листе. Явление это вроде бы случайное, но отнюдь не с. VII книги. Там за перечнем опечаток мы найдем довольно странную фразу: «Попадающиеся кое-где начертания по новой орфографии читатель благоволит исправить на старую». Принадлежит она редактору издания С. А. Жебелеву. Какова же связь между отсутствием названия города на титуле книги и этой фразой? Дело в том, что единственное предложение, написанное в книге по новой орфографии, приведено на обороте титульного листа: «Ленинградский Гублит... Типография I Трудовой Артели Печатников. Моховая, 40». Таким образом, мы имеем дело не с небрежностью издательской и многочисленных невнимательных ее читателей, а с любопытным историческим документом той непростой эпохи, когда книга вышла в свет. Загадка титульного листа объясняется следующим образом. Начало печатания в 1918 г. издание было приостановлено в 1919 г. из-за Гражданской войны. Печаталось оно по старой орфографии и к концу года было выпущено уже 22 листа из 36. В 1924 г., когда появилась возможность издать труд М. И. Ростовцева, Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский и С. А. Жебелев приложили все силы, чтобы закончить издание по старой орфографии, хотя, например, от известного путешественника П. К. Козлова уже в 1920 г. при издании его книги «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», не вышедшей в 1914 г., но набранной и отпечатанной целиком, книгоиздательская организация потребовала переработки текста со старой на новую орфографию (*Житомирский С. В.* Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов. М., 1929. С. 155). В случае с изданием книги Ростовцева мы имеем яркое свидетельство скрытой фронды Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского и С. А. Жебелева по отношению к новой орфографии, которое демонстрирует нам как стойки были в академической среде настроения 1918 г., когда шла упорная борьба вокруг вопроса о новой орфографии, в которой на стороне академической науки выступали многие деятели русской культуры (напомним хотя бы позицию А. А. Блока). Кстати, несколькими годами позже случая с изданием книги М. И. Ростовцева приверженностью к старой орфографии фрондировали (правда, не без последствий) и молодые деятели советской культуры, в числе которых был и ныне здравствующий академик Д. С. Лихачев. Не менее интересно и то, что если действительно «соблаговолил исправить» написанное по новой орфографии, то вместо Гублита и Артели... мы получим «Типографию Главного Управления Уделов. Моховая, 40»; т. е. именно ту типографию, в которой выходили все издания ИАК и где были напечатаны многие труды М. И. Ростовцева.

ний, несбывшихся мечтаний...»²³. Слова эти написаны все в том же 1918 г., когда умирали от голода ученые, останавливали свою работу лаборатории и типографии. Положение было столь тягостным, что и два года спустя, в статье на смерть А. С. Лапко-Данилевского С. Ф. Ольденбург вновь возвращается к той же мысли: «Нигде, кажется, кладбище незаконченных научных трудов не достигает таких страшных размеров, как именно у нас в России... Русский ученый работает обыкновенно с громадным увлечением, планы его громадны, он верит в свои силы, в свою способность совершить чудо — одному сделать работу троих...»²⁴. Как знать, может быть, записывая эти мысли, С. Ф. Ольденбург вспоминал и своего друга М. И. Ростовцева, человека, действительно способного совершить в одиночку работу «троих»? Этого мы никогда не узнаем, но, обращаясь к судьбе научного наследия академика М. И. Ростовцева, все же должны согласиться, что слова С. Ф. Ольденбурга весьма подходят к ней. Во всяком случае, они правомерны для русского периода творческой деятельности М. И. Ростовцева. А ведь это 47 лет жизни.

THE CREATIVE PATH OF M. I. ROSTOVTSSEFF
WHEN WRITING 'STUDIES IN THE HISTORY OF SCYTHIA
AND THE BOSPHORUS KINGDOM'

V. Yu. Zuev

This paper traces (from the large amount of data in the personal archives of M. I. Rostovtseff) the course of the writing of *Studies in the History of Scythia and the Bosphorus Kingdom* — one of the first of his fundamental works, devoted to the history of Graeco-barbarian relations in the northern littoral of the Black Sea. Rostovtseff's gradual transition from the historical-artistic aspects of the theme studied by him in the early stages of his work, to the historical problems proper, which he tried to solve through a synthesis of sources of various kinds (literary, epigraphic, and archaeological) is traced. A close link is traced between Rostovtseff's study of the history of Scythian-Bosphoran relations and the beginning of the shaping of his conception of Hellenism as an independent epoch in the history of antiquity.

²³ *Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева // ИРАН. 1918. VI серия. Т. XII. № 7. С. 351.*

²⁴ *Он же. Работа А. С. Лапко-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 167.*